

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1959 г. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ¹

В статье обосновывается важность изучения российской городской семьи с социально-демографической точки зрения, а также в контексте изучения человеческого капитала. Констатируется недостаточность опубликованных «Итогов» Всесоюзной переписи населения 1959 г. для изучения истории семьи. Дается характеристика базы данных, разработанной Международным центром демографических исследований УрФУ на основе опросных листов переписи по Октябрьскому району г. Свердловска. Делается вывод, что анализ первичных материалов переписи способен существенно дополнить представление о состоянии городской семьи Свердловской области в конце 1950-х гг.

Ключевые слова: городская семья в СССР, урбанизация, человеческий капитал, Всесоюзная перепись населения 1959 г., первичные данные, база данных.

Демографическая катастрофа середины XX в. в СССР, основной причиной которой явилась Великая Отечественная война, кардинальным образом повлияла на состояние семейной структуры российского населения. Между тем оценить масштабы происшедших изменений достаточно трудно. В качестве основного источника сведений о российской семейной динамике в XX в. традиционно выступают переписи населения, но, за исключением Всесоюзной переписи 1926 г., семейная статистика представлена в них довольно скудно. Проблема усугубляется тем, что временной разрыв между последней довоенной (1939) и первой послевоенной (1959) переписями составил целых 20 лет. За неимением лучшего исследователь истории российской семьи вынужден, как правило, опираться на опубликованные итоги переписи 1959 г. [Итоги, 1963].

Изучение *городской* семьи имеет особый смысл в контексте интенсивной урбанизации, проходившей в России–СССР в XX в. В 1930–1980-е гг. страна переживала урбанизационный переход, когда российское общество из преимущественно сельского становилось городским [см. подробнее: Сенявский, 2000, с. 139]. Основным источником пополнения городского населения была массовая стихийная миграция из сельской местности. Кроме того, многие сельские поселения приобретали статус городских в результате административных решений. Между 1926 и 1989 гг. число городских семей увеличилось более чем в 8 раз [Вишневский, 2006, с. 67].

На Урале процесс урбанизации принял особенно интенсивный характер, что стало следствием реализации накопленного регионом городского потенциала, а также массового строительства промышленных предприятий

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-29-07154 «Семья как фактор формирования человеческого потенциала промышленного города в условиях демографического перехода: исторические модели и сценарии капитализации (на примере Екатеринбурга–Свердловска)».

[Мазур, Бродская, 2006, с. 235]. В результате население Свердловской области было преимущественно городским уже во время переписи 1939 г. (59,87 %), а к 1959 г. его доля превысила $\frac{3}{4}$ всего населения региона (75,27 %), хотя по РСФСР в целом в это время она составляла только 52,42 % [рассч. по: Переписи населения]. Таким образом, данные, полученные в результате изучения свердловской городской семьи, репрезентативны для понимания состояния этого института как в области, так и во всем Уральском регионе.

Что касается переписи населения 1959 г., то ее формуляр состоял из 15 вопросов, пять из которых имеют непосредственное отношение к проблематике семьи (фамилия, имя и отчество; возраст; пол; отношение к домовладельцу; семейный статус). На основе обобщения этих данных опубликованные официальные итоги переписи дают информацию по числу состоящих в браке на 1 000 чел. населения по полу и возрасту, о численности членов семей и одиночек, о группировке семей по размеру по отдельным территориям, по числу членов семей, проживающих совместно и отдельно от семьи (по возрасту и общественным группам), о группировке семей по общественной группе главы и размеру семьи [Там же, с. 98–99, 426–454].

В официальных итогах переписи 1959 г. нет информации о распределении респондентов по брачному статусу (одиночки, состоящие в браке, овдовевшие и разведенные), хотя эта информация доступна в материалах переписей 1897, 1926 и 1979 гг.; о распределении семей по типу (доступна в материалах 1926, 1970 и 1979 гг.); об общем количестве рожденных женщиной детей (1979); о детях, проживающих в семье (1926, 1970 и 1979). В то же время имеются данные об общем коэффициенте рождаемости, полученные с привлечением текущей статистики естественного движения населения [см.: Anderson, 1986, p. 133].

Итак, сведения о семье из официальных «Итогов» переписи следует признать довольно скудными. Некоторые неопубликованные данные (чаще всего агрегированные) доступны в архивах, на что обращают внимание исследователи [Clem, 1986, p. 24; Afontsev et al., 2008, p. 181]. Информационные возможности переписи могут быть существенно расширены за счет первичных данных (т. е. переписных листов), но они сохранились фрагментарно, по всей видимости, по недосмотру должностных лиц, ответственных за их уничтожение. Один из таких массивов данных находится в Государственном архиве Свердловской области [ГАСО, оп. 12, д. 23–24]. Он содержит переписные листы по некоторым городским поселениям области, в том числе по Октябрьскому району г. Свердловска.

Как можно судить по Табл. 1, использование первичных данных способно по большей части восполнить имеющиеся лакуны и сделать информацию о семье, полученной в результате переписи 1959 г. сопоставимой как с переписью 1926 г., так и с последующими переписями 1970 и 1979 гг.

*Сведения о семье и рождаемости в материалах
Всесоюзной переписи населения 1959 г.¹*

Показатели	Общие итоги	Первичные материалы
В браке или нет	+	+
Одиночка, женат, вдов, разведен	–	+
Семья (домохозяйство) по размеру	+	+
Семья / одиночка	+	+
Семья по типу	–	+
Всего рожденных детей	–	–
Детей проживает в доме	–	+
Общий коэффициент рождаемости	+	–
Детей до одного года	+	+
Работники / иждивенцы	+	+
Иждивенцы по типу	+	+

Некоторое время назад исследователями Международного центра демографических исследований (МЦДИ) УрФУ было анонсировано создание базы данных на основе первичных материалов переписи 1959 г. в рамках изучения истории уральской семьи в XX в. [Mazur, Gorbachev, 2016, p. 104]. Сейчас почти закончена работа по обработке информационного массива, относящегося к г. Свердловску и состоящего из 3 тыс. переписных листов (около 5 тыс. записей).

База данных включает две таблицы: одна из них содержит личные данные, а другая – описание семей. В таблицу «Население г. Свердловска» включены сведения, повторяющие вопросы формуляра переписи (фамилия, имя и отчество; возраст; пол; отношение к домовладельцу; семейный статус; национальность; гражданство; родной язык; образовательный уровень; источник существования; работодатель; род занятий; общественная группа; образование; постоянное место жительства). Члены одной семьи объединены единым кодом вида С1, С2 и др.

Вторая таблица – «Семья» включает фамилию домохозяина, его пол, возраст, семейный статус, национальность и уровень образования; количество членов семьи; количество детей до 18 лет; количество работающих членов семьи; количество отсутствующих членов семьи, структура семьи, тип семьи по П. Ласлетту [Laslett, 1972]; место жительства; общественная группа. Таблицы связаны ключевыми полями (код семьи) и заполнялись одновременно

¹ Составлено автором. Колонка «Общие итоги» приведена по: [Anderson, 1986, p. 132]. В строках выделены показатели, информация по которым доступна только в первичных материалах переписи.

по мере обработки переписных листов. Помимо функции связывания таблиц, код семьи позволяет избежать публикации персональных данных в соответствии с действующим законодательством.

Важной особенностью первичных материалов переписи является то, что они в основном заполнялись во время личных интервью и почти не подвергались контролю. С другой стороны, переписные листы содержат много регистрационных ошибок.

Имеются и другие сложности формализации данных переписных листов:

1. Не всегда имеется возможность установить, в каких условиях проживает семья (возможные варианты: коммунальная, отдельная, съемная квартира), а также временно проживающих в квартире.

2. В ряде случаев неясен семейный статус переписанного (одинокa или член разделенной семьи). Родственные связи членов разделенной семьи иногда (но не всегда) удастся идентифицировать по общей фамилии и отчествам.

3. По-разному фиксируются одинаковые места работы или учебы; не всегда удается привести их к одному написанию.

К счастью, перечисленные проблемы не настолько многочисленны, чтобы серьезно повлиять на качество формализованной в базе информации.

Использованная структура БД позволяет сопоставлять данные отдельных респондентов с общей информацией о семье и дает возможность осуществить качественный анализ характерных черт городской семьи в Свердловской области второй половины XX века. Доминирование определенных типов семей позволяет судить, во-первых, об уровне деформации семейной структуры, а во-вторых, о характере модернизационных изменений в институте семьи. Информация о жилищных условиях полезна для характеристики оптимального режима функционирования семьи¹.

Помимо социально-демографических характеристик, на основе имеющихся данных появляется возможность проанализировать свердловскую городскую семью в контексте возможностей и эффективности реализации человеческого потенциала. С этой точки зрения представляют интерес сведения о полученном, либо получаемом профессиональном образовании, месте работы и должности. При этом образованные родители в гораздо большей степени способны обеспечить формирование человеческого капитала своих детей, чем необразованные [см. подробнее: Антоненко, 2014, с. 49]. А поскольку уровень образования мужчин, а особенно женщин в России в XX столетии рос очень быстро [см.: Вишневский, 2006, с. 67], параллельно увеличивалось значение семьи для реализации социального запроса на образование подрастающего поколения.

¹ О взаимосвязи жилищных условий и брачности см. напр. [Ильина, 1977, с. 58–61].

Список литературы

Антоненко В. В. Роль семьи в формировании человеческого капитала: теоретический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 19 (346). С. 47–54.

Вишневский А. С. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М. : Новое изд-во, 2006.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1813. Свердловский областной комитет государственной статистики Государственного комитета РФ по статистике.

Ильина И. П. Влияние войн на брачность советских женщин // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневского. М. : Статистика, 1977. С. 50–62.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М. : Госстатиздат, 1963.

Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения: 02.09.2020).

Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2006.

Сеняевский А. С. Российский путь к городскому обществу в контексте модернизационных процессов // Урал. ист. вестн. 2000. № 5–6. С. 139–152.

Afontsev S., Kessler G., Markevich A., Tyazhelnikova V., Valetov T. The urban household in Russia and the Soviet Union, 1900–2000: Patterns of family formation in a turbulent century // History of the Family. 2008. No. 13. P. 178–194.

Anderson B. A. Marriage, Family, and Fertility Data in Russian and Soviet Censuses // Clem R. (ed). Research Guide to the Russian and Soviet Censuses. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1986. P. 131–154.

Clem R. On the Use of Russian and Soviet Censuses for Research // Clem R. (ed). Research Guide to the Russian and Soviet Censuses. Ithaca : Cornell Univ. Press, 1986. P. 17–35.

Laslett P. Household and Family in past time. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Mazur L., Gorbachev O. Primary sources on the history of the Soviet family in the twentieth century: an analytical review // The History of the Family. 2016. Vol. 21. No.1. P. 101–120.

УДК 929.52+94(47).06(093)

А. В. Дмитриев

СМОТРОВЫЕ И ПОСЛУЖНЫЕ СПИСКИ ЛИЧНОГО СОСТАВА РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII в. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ, ДИСЛОЦИРОВАННЫХ В СИБИРИ)

Доклад посвящен одной из разновидностей документов, существовавшей в рамках специальной системы делопроизводства Военной коллегии в России XVIII в. – смотровым и послужным спискам личного состава армейских частей. На основе изучения значительного массива документов, относящихся к полкам и батальонам регулярной армии, дислоцированным в Сибири в указанный период, автором анализируются особенности их формуляра и информационного содержания. Установлено, что для списков сибирских частей характерно почти полное отсутствие